

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Николая ДОРИЗО

«Николай Доризо обладает ценным умением выразить то, о чем думают другие, чужое сделать «своим», кровным, интимным, а свое сделать «чужим», нужным и близким людям».

Сергей ВАСИЛЬЕВ

«Я все время живу накануне чего-то...»

Умение изменяться, идти вперед — залог подлинности творчества Николая Доризо.

Тяжелорукие и рослые
Поднимут песню — не прольют...
Запели б только безголосые,
А вокалисты подпоют!

Доризо не боится рифмовать «любовь» и «вновь», не стремится супермодным размером, рифмой, «вывихнутым» образом приукрасить свою мысль. Он всегда пишет просто. Очень просто. И чем сложнее мысли, тем проще он стремится их выразить. Это опять-таки его художественный принцип: «простоте простота не нужна, — сложной мысли нужна простота».

Простота простоте рознь. Есть такая, что, как говорится, хуже воровства, когда простота — сестра убогости, примитива. Но есть простота сложности. Вроде Ньютонова яблока, падение которого на землю видели и не видели до гениально-го ученого миллионы людей.

«Дети плачут на всех языках одинаково, одинаково дети смеются на всех языках!» Вроде бы совсем простые строчки, и каждый из нас мог наблюдать подобное. Но каждый ли увидел в этом своего рода знамение, закон природы, предписывающий единение всему человечеству?

Привычные слова, знакомые картины под рукой художника вдруг обретают первозданность, словно заново рождаются на свет, поворачиваются к читателю неизвестными гранями.

У Давида Самойлова есть об этом такие строки: «Люблю обычные слова, как неизведанные страны. Они понятны лишь сперва, потом значенья их туманны. Их протирают, как стекло. И в этом наше ремесло».

Не берусь утверждать, что во всех стихах удается Н. Доризо «снять заставить заново» обычные слова. Но ведь очень нелегкую дорогу избрал поэт: ровным счетом никаких украшений, никакой мистики. Мысль, образ — вот они, не прикрытые, на ладони. Разговор с читателем идет без обмана, поэт ничего не прячет, все предельно обнажено.

Есть у Доризо особый эффект последней строчки, иногда строфы. Поэтическая мысль скользит сначала по таким привычным, накатанным рельсам, все вроде давно знакомо читателю, неожиданного не предвидится, и вот-вот вы готовы уже посетовать на банальность. Но вдруг взрыз — и окончен — разнообразный тон-

нель: открылась даль. Вот, например, стихотворение о солдатских прачках. Хорошие, трогательные строчки, но без последней, пожалуй, не было бы искусства: «...Вы предо мною устало стоите. Вдыхаете дымная пена в корыте... А первое мирное синее небо — такое забудешь едва ли...» Пока все обычно, картинка с натуры, не более того, но вдруг: «Не ваши ли руки его постирали?» Факт оборачивается обобщением, стих отрывается от земли, взмывает ввысь.

Это, кстати сказать, излюбленный прием Доризо — критики не раз его отмечали — предельно заострить мысль к концу стиха, завершить ее афоризмом, а то и парадоксом, переинтерпретирующим весь смысл. Прием этот, думается мне, имеет свои корни в фольклоре. Разве не по такому же принципу построена, например, притча, приберегая обычно главное под конец?

Демократичность поэзии Николая Доризо проявляется даже в том особом пристрастии, которое поэт имеет к историческим темам. История привлекает его прежде всего потому, что «в живой шере» вековой не первый я и не последний... История, ты возраст мой, ты разум мой тысячелетний». Поэт ощущает свое кровное родство со всеми людьми, жившими до него, и теми, кто будет жить после. Он видит себя лишь одним из них, в общем строю.

История народов важна ему своими нравственными и социальными уроками. Отсюда актуальность и злободневность произведений, написанных на историческую тему — будь то ближайшая история, война, например, или же времена Жанны д'Арк, Пугачева, Пушкина, Желябова...

ИСТИННОГО художника никогда не покидает чувство, что главное еще не сказано, главное — впереди. Недостижимо совершенство, потому что нет для него предела.

Невысказанные слова — мука поэта, но эта мука во благо, она позволяет все время взламывать свой потолок.

Я все время живу накануне чего-то —
Накануне строки,
накануне полета...

Поэт жив как поэт, пока он так считает, пока без усталости идет к своим новым, сокровенным словам.

В. СТЕФАНИДИ

РИГА

«В ЖИВОЙ ШЕРЕНГЕ ВЕКОВОЙ...»

Есть у поэтов-фронтовиков нечто общее, характерное, обязательное для всех: «Мы все давно с войны вернулись. Стихи остались на войне».

Можно было бы вспомнить лирические песни Доризо. В редком доме их не пели. Да и сейчас поют. «Помнишь, мама моя...», «Огней так много золотых...», «У нас в общегитии свадьба...». Безыскусные, бесхитростные, они задевали сокровенные струны души и потому пелись. Ему повезло уже с первой своей песней: девятнадцатилетний солдат написал о дочери («Дочурка»), и песня сразу же стала популярной на фронте. Отцовские чувства ему пришлось пережить гораздо позднее, «но были от беды народной взрослей меня мои слова». Так часто случалось с военной поэзией.

Поэмы Доризо — драмы, трагедии, комедии — это тоже существенная часть его поэтической жизни. Не все в них равно удалось, не все получилось. Но многие из них, в том числе и последняя трагедия в стихах «Третья дуэль» («Новый мир», № 6, 1983), остроконфликтны, психологичны, исполнены добротным стихом. В них юмор соседствует с трагизмом, лирические отступления — с драматургией.

А разве не штрих творческого портрета Доризо его поэтические миниатюры? В них поэт и философ, и сатирик одновременно.

КРИТИКИ единодушно отмечают удачливость его поэтической судьбы. «Поэтическая муза Николая Доризо родилась под счастливым знаком Зодиака. Она светла и удачлива. Едва появившись на свет божий, она обратила на себя внимание» — вот типичное высказывание о его творческом пути (С. Машинский, «К сердцу читателя»).

И действительно. Печататься начал еще школьником. Уже первая его книжка была замечена — имела успех. И с тех пор 40 книжек подряд. И каждая раскупается моментально. Поэтические вечера всегда при переполненных залах. Песни-долгожители по 20—30 лет не покидают эфира. Стихи Доризо побывали даже в космосе — космонавт Андриян Николаев брал их с собой в полет.

Признание и славу поэт получил сполна. Он лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького, один из руководителей писательской организации РСФСР...

Что и говорить, удачливая судьба. Но тогда почему эти горькие строки:

Я троянскую хитрую лошадь удачи,
Словно дар, принимал
и без боя проигрывал бой.

И еще, и еще подобное. В разные годы, в разных стихах: «Есть люди откровенно невезучие, а я живу, от всех себя тая. Обманное мое благополучие...»

Нет, не похоже на позу — боль подлинная.

Как же совместить бурные читательские аплодисменты и эти, например, строчки: «В себе так жалко не уверен я, как будто вправду и гроша не стою?»

Не в этом ли драматическом противоречии ключ к характеру поэта, к его жизни, его стихам?

ПОПУЛЯРНОСТЬ

— угроза творчеству. И дело не только в том, что может породить самодовольство, успокоенность. Она лишает художника «обратной связи». Ведь читатель, завороченный именем, часто теряет объективность оценки, принимает стихи без критики. Может, оттого мечтает Н. Доризо: «Не паспорт — имя, внешность потерять, чтоб даже мать родная не узнала», надеясь, что хватит «силы все начать сначала».

Выйти к читателям неизвестным, неузнанным, заново поверить в себя, проверить себя. Именно так поступает лирический герой его поэмы «Утром после самоубийства» художник Лавров — дебютирует заново под чужой фамилией. Критики принимают его картину в штывы, советуют учиться у прославленного Лаврова, то есть у себя самого. Попробуйте угадать, когда они были искренни — когда хвалили метра или когда ругали «новичка»? Многозначительная ирония...

Постоянная неудовлетворенность собой — результат тех высоких критериев, по которым пытается себя судить поэт. Его кредо: «Суди себя, как судит гений...» Потому что: «Ты жив! Ничто тебе не поздно, и этим Блока ты сильнее...»

Если подходить к себе с такой меркой — разочарования неизбежны: «Уходит книга. Все, что в ней сказало, не то, не так. Я в ней обидно мал».

Это и драма поэта, но это и его счастье, источник неуспокоенности, а значит — движения.

Николай Доризо не устает изменяться. И это тоже драма поэта. Ты сыскал свою тему, обрел свой голос, своих верных читателей. Как нелегко, как болезненно оставлять все это и, снимаясь с насиженных мест, отправляться дальше — в неизвестное. Тысячи пут вьются по рукам и ногам. И самые крепкие из них — читательские пристрастия. Читатели привыкли к поэту, они ждут от него знакомого, узнаваемого, то есть повтора. Идти к другим читателям? Но они, другие, в свое время не приняли поэта и теперь по инерции глухи к его творчеству — не хотят видеть, как он вырос, не верят ему. Нет ничего тверже и незыблее читательских стереотипов. Разве что стереотипы критиков...

МЕЖДУ

Н Доризо пятидесятих годов и сегодняшним — пропасть. Можно посчитать, что это два разных поэта. Но есть над пропастью мост, есть нечто такое, что объединяет, роднит его и давние, и нынешние стихи, позволяет их опознать среди других, выделить по одной строфе. Это особая, «доризовская» демократичность. Она и в форме — в размере, образе, словаре, и в содержании — в темах, в переживаниях героя. Как сказал об этом поэт Сергей Васильев: «Николай Доризо обладает ценным умением выразить то, о чем думают другие, чужое сделать «своим», кровным, интимным, а свое сделать «чужим», нужным и близким людям».

Доризо органически претит всякий снобизм, элитарность, «стихи для избранных». «Я поэт для читателей, не для поэтов» — это его программные строчки.

В утверждении своей программы поэт

полюбно заостряет мысль. Но он доверяет своим читателям, верит, что они поймут его: «Хочу писать для безголосых, сам безголосым я рожден!»

Что и говорить, рискованное признание. С ним легко угодить на острый зубок пародиста. Но это ничуть не смущает поэта. Он готов породниться со своим «безголосым» читателем, потому что этому — простому читателю в первую очередь адресована его поэзия.

Пускай в поселке за буранами,
Придя по зову огня,
Звенит на празднике стананами
Моя душа, моя строка.